

Ксения
Леонтьева

БЕН *и* МАРИЭЛЬ

Ксения Леонтьева

Бен и Мариэль

«Геликон Плюс»

2014

Леонтьева К.

Бен и Мариэль / К. Леонтьева — «Геликон Плюс», 2014

Утонченная ирландка, испанский мальчишка. Давным-давно они обещали друг другу не разлучаться. Но что клятвы по сравнению с бегом времени, с мнением непримиримой семьи, с войной? И если детская дружба способна перерасти в любовь, то как преодолеть испытания коварной судьбы? Детская дружба перерасти в любовь? Это невозможно. Или всё-таки...

Ксения Леонтьева

Бен и Мариэль

© Леонтьева К. С., текст, 2014

© Геликон Плюс, макет, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Летний ветерок, легкий, как дыхание ангелов, раскачивал огненно-красные головки маков. В самом центре алеющей поляны цветы были примяты и виднелись устремленные кверху желтые башмачки. Это была маленькая девочка, которая простодушно напевала звенящую песенку и обводила пальчиком проплывающие мимо облака.

Вдалеке виднелся старинный особняк, который словно сторожил природную идиллию. Это имение, носившее название «Бэнчиза», располагалось в тридцати милях от Голуэя. Туман – уже не частый гость, а равноправный хозяин – с самого утра гнезвился на обширной веранде, где семейство О’Бэйл собралось вместе насладиться утренней прохладой и отличным завтраком. Мистер и миссис О’Бэйл казались идеальной парой: уважение друг к другу, почитание и общая любовь к детям объединяли их на протяжении всей совместной жизни – ни много ни мало двадцати пяти лет. Брак их был обдуманном решением, избавляющим оба семейства от хлопот. Нельзя сказать, что миссис О’Бэйл в пору своей молодости польстилась на деньги молодого наследника роскошного поместья – нет, она была очарована утонченными манерами и ухаживаниями юного щеголя, покорена его тонким чувством юмора и необычной для ирландца внешностью, но назвать это чувство любовью означало бы перевернуть с ног на голову всю натуру Юлианы Гордон – будущей миссис О’Бэйл. Она не признавала этого чувства, считала его вздором, мечтами смазливых девчонок. В свои семнадцать лет она была раскрепощенной и дерзкой, острой на язык студенткой. Как-то раз в театре, где присутствовал и ее будущий муж, она сорвала спектакль, принявшись критиковать не очень убедительную Антигону. Разумеется, ее выставили за дверь, но игра стоила свеч, ведь именно там над ней просвистела стрела Амура. Однако в ее душе не было ничего чувствительного, она не знала любви, не преклонялась перед ней и не старалась бежать от нее. «Я не создана для этих нежностей», – говорила она всем вокруг, избавляясь от поклонников. Образ роковой женщины пленил и Джеймса О’Бэйла, который четыре года кряду упрямо гнул свою линию, настаивая на свадьбе. Бунтарка все отказывалась, полагая, что не она, а ее денежки влекут его, и лишь после того, как О’Бэйл и сам обрел значительное состояние, Юлиана поняла серьезность его увлечения. «Что ж, – решила она, – не век же прозябать в девках». Интерес к Джеймсу подогрели и фантазии, как она выберется из отчего дома в надоевшем ей Голуэе. Словом, союз их олицетворял прежде всего дружбу. Их старший сын, первенец Тэд, принял сан и прочно обосновался в Дублине, сменив Бэнчизу на Собор Святого Патрика. Миссис О’Бэйл, хоть и была католичкой, чуждалась истовой веры и поэтому не одобряла намерений сына, муж ее так не думал, но как бы там ни было, Бэнчиза с тех пор была завещана их второму сыну Томасу. Этот-то мальчишка знал толк в хозяйстве – в свои пятнадцать он уже был незаменимым помощником. Огненно-рыжая Кассандра, младше Томаса на один год, была воплощением непокорства и строптивости. Она

помогала, но нехотя, часто со всеми ссорилась, но через пару минут прибегала с покаянием, училась из-под палки, убегала из дому по всякому пустяку, огрызалась, чуть что было не по ней, но в целом у нее было доброе сердце и она горячо любила всех родных. И миссис О'Бэйл всегда легко с ней справлялась, ведь дочь была ее точной копией. А вот младшая дочь Мариэль не проявляла никакой непокорности, хотя тоже впитала ее с молоком матери. Отчаянный нрав проявлялся лишь в играх и детских шалостях, в жизни же она была очень нежной и беспредельно послушной. Однако миссис О'Бэйл так вымоталась со старшей дочерью, что на младшую просто не оставалось ни сил, ни времени. Вот и не было никакой привязанности, которая свойственна всем девочкам к их матерям. Все было не так уж и плохо: Мариэль не была изгоем в семье – вместе они пекли ванильное печенье по воскресеньям, играли на фортепиано любимую пьеску, катались на лошадях, но не было ласки, которая так требуется девочке в пять лет. Юлиана целиком отдавалась делам и заботам, ей некогда было возиться с малышкой, но в то же время она боялась, что Мариэль станет совсем дикой. Как-то так вышло, что ее воспитала сама природа – все пришло само собой, но Мариэль была совсем не похожа на свою маму. «Откуда все эти ее романтические мечты?» – думала миссис О'Бэйл. – Пустые бредни не доведут девочку до хорошего». – «Но ведь она часами сидела у озера наедине с природой», – шептал ей разум. «Откуда этот свет в глазах?» – «Не ты, но ангелы толкуют с нею», – твердил внутренний голос. Миссис О'Бэйл то ругала себя, что она забросила дочь, то радовалась, что не взялась за ее воспитание, – может, хоть одна дочь вырастет спокойной и не будет трепать нервы.

А Мариэль действительно была на редкость удивительным ребенком. Какое светлое, но уязвимое сердечко скрывалось под мантией чисто ирландской гордости. Никогда не пожалуется, даже если ей очень плохо, – эта малышка все стойко сносила, лишь бы не расстраивать других, зато сама проявляла живое участие, когда кому-то было больно. Кто бы ни посещал Бэнчизу, все сходились на том, что Мариэль – настоящий колокольчик: отзывчивая, ранимая, чувствительная и всегда веселая; как она пленяла сердца! Но было в ней что-то, что сбивало с толку, не давало окончательно признать в ней ангела, какая-то беспокойность. Вся она – словно картина, на которой художник начал изображать свежее, румяное утро в пастельных тонах, но вдруг случайно пролил черную тушь.

– Не хватает только Мариэль, ох, непоседа! – проговорила миссис О'Бэйл, раздавая всем чашки.

По воскресеньям они всегда завтракали на веранде, какой бы ни была погода, и даже не привлекали к работе служанку. Так повелось уже давно, никто толком и не помнил почему, но всем нравилась эта традиция.

– Бездельница! – недовольно поморщилась старшая дочь четы О'Бэйл. – И не надоело же ей кормить этих мерзких чаек изо дня в день или валяться в цветах.

И действительно, Мариэль проводила на маковом поле все свое свободное время, и частенько ее забирали оттуда уже тогда, когда она засыпала. Да, она была дитя природы и независимости.

– Вот и Маковка! – воскликнул глава семейства, и все обернулись.

Маленькая, хрупкая, вот она бежит, перебирая худенькими, но быстрыми ножками, – чудо, а не ребенок! Теплый ветерок развеивает ее каштановые волосы, сияющие медью при восходящем солнце. Маленькие ручонки цепляют воздух. Бежит, хохочет сама с собой. Вот села за стол, напевая что-то свое, намазала бутерброды – всем по очереди, себе последней. И не забудет ведь поухаживать за другими. Такая крошка, а всегда спросит: «Как ты себя чувствуешь, мамочка? Надо ли тебе помочь, папочка?» Все обожали ее. Даже Кассандра, которая терпеть не могла возиться с детьми, просто боготворила ее.

– Ой, Касси! – восторженно воскликнула ее сестренка. – Какие же я видела красивые цветочки!

– Ну-ну, глупышка, ты же видишь эти цветочки каждый день. Что нового?!

– Но такими, как сегодня, они еще никогда не были! Сочно-красные, с черными точечками, на них была водичка.

– Это роса.

– Я помню, Томми объяснял мне, что такое роса, когда я была маленькой, – тогда я подумала, что цветочки плачут.

– Повелительница маков! – воскликнул мистер О’Бэйл, шелкнув дочку по носику.

– Да! – засмеялась она, запрокидывая голову кверху, а после смущенно закрывая личико ладошками.

– Надо сшить тебе красное платье, – продолжал он. – Дорогая, почему бы тебе не заняться этим?

– Ты смеешься, Джеймс? Мне – сшить?

– Ну, на худой конец можно и заказать. Нашей королеве просто необходимо алое платье.

И тут Кассандра начала сыпать объяснениями, почему важнее всего нашить нарядов ей. После дружного завтрака они расходились по своим делам, а к вечеру опять собирались вместе.

Прошло еще несколько лет. Еще до школы Мариэль прониклась любовью к чтению и целыми днями не сводила глаз со страниц. Вскоре пришла пора расстаться с домом на время учебы. В престижной школе Мариэль обзавелась друзьями, открывала новый мир, понемногу взрослела. Во время каникул Маковка впервые ощутила вкус свободы и радости от заслуженного отдыха. Все дни напролет она проводила как прежде: обитала на любимом маковом поле, только теперь она прихватывала с собой книжку, и до обеда никто не слышал малышку Мариэль. Она мечтала с Шарлоттой Бронте, путешествовала со Стивенсоном. Эти книги из богатой домашней библиотеки формировали ее мировоззрение, воспитывали чувствительность, и узнай об этом ее мама, она бы воскликнула: «Боже праведный!» – но она так фанатично была предана старшей дочери, что досуг младшей выскальзывал из ее рук. По вечерам Мариэль ездила верхом, встречая закаты, рисовала акварелью пейзажи, которые запечатлела ее память во время прогулки, играла по нотам пьески, заучивала оды на латыни и молилась перед сном. Миссис О’Бэйл была полностью удовлетворена таким распорядком и поведением дочери – самостоятельная, умница, вся в братьев, не то что ее сестра-«заноза», на борьбу с которой уходило немало времени.

Когда Мариэль исполнилось восемь лет, миссис О’Бэйл собрала чемоданы, взяла дочерей и отправилась в Голуэй навестить свою сестру. Кассандре город пришелся по вкусу: он стремительно рос, набирая обороты, новые дороги, новые возможности! «Да, это место для деятельности горячей и кипучей», – думала Касси с восторгом, и глаза ее искрились отчаянным блеском. Миссис О’Бэйл старалась заглушить эти вздорные огоньки, но боялась выходов со стороны своей шалуни.

Как-то раз миссис О’Бэйл, Мариэль и ее тетушка, миссис Кинди, сидели на террасе, наслаждаясь теплым днем за чашечкой крепкого чая. Неподалеку слышались голоса детей, гоняющих мяч. Мариэль заметно скучала. Старый белоснежный кот хозяйки уже не был способен на игры и убегал от девочки, ища себе покоя.

– Мариэль, не сиди на траве – испачкаешь платье! – иногда вмешивалась миссис О’Бэйл. – Не трогай кота – он замажет тебя.

«Ох и скукотища здесь! – думала Мариэль, покорно усаживаясь назад в плетеное кресло и занимаясь складками на своем платье, перебирая их маленькими ручками в кружевных перчатках. – Сидишь себе часами, маленькая леди, наблюдая за всем со стороны... Вот бы вырваться и побегать!»

Вскоре Мариэль и правда отослали с террасы на двор, откуда она наблюдала за футбольным матчем. «Как весело этим мальчикам, – думалось ей, – им все равно, что испачкана одежда, что на руках миллион бактерий, они делают, что хотят». Пыль поднималась столбом, оседая на загорелых лицах ребят, камушки разлетались в стороны – такой резвый был

поединок. Мариэль заметила невысокого мальчика, который, как ей показалось, был младше остальных, несмотря на это, он так ловко справлялся с мячом, обходил соперников со смехом, гонял всех туда-сюда, что никто не мог сравниться с ним в удалстве. Вдруг на мяч налетели сразу несколько человек, и чье-то неловкое движение занесло мяч прямо за ограду дома миссис Кинди, почти к ногам Мариэль. Мальчик, находящийся ближе, робко подбежал, не зная, как ему быть дальше. Остальные тоже приблизились.

– Мисс, – крикнул он, – не могли бы вы подать нам мячик? Он нечаянно прилетел к вам. Будьте любезны!

Мариэль была вне себя от восторга: ей выпало на долю пнуть настоящий футбольный мяч! Она обернулась к маме с тетей, которые отвлеклись от беседы и испуганно наблюдали. «Надо взять его руками, открыть калитку, передать, отряхнуть руки и сказать: “Пожалуйста, впредь будьте более аккуратны”», – казалось, безмолвно подсказывали они. «Но боже, – подумала Мариэль, – на меня смотрят все мальчишки, а главное – он! Я просто обязана поразить его». И Мариэль, размахнувшись, ударила по мячу изящной туфелькой. Он перелетел через забор, описав дугу, и приземлился прямо у ног ее любимчика. Разумеется, все вокруг пооткрывали рты – кто от чего, – мальчики присвистнули, одоблив возгласами смелое действие, и побрели назад к игре, часто оборачиваясь к Мариэль с удивленной улыбкой: «Ну дает! Девчонка, а такой пас!» Мариэль ликовала, а миссис О’Бэйл, подумав, решила не отчитывать дочь – по ее недовольному взгляду она и так догадается. «Тем более, – чисто по-женски рассудила она, – я даже рада лишний раз посмотреть на мужчин, оглушенных женской победой».

На следующий день миссис О’Бэйл, узнав, что за Мариэль пришли девочки, с которыми она познакомилась через забор, выпустила бедную затворницу на волю, хотя и не без страха, но сестра уверила ее, что девочку давно пора перестать опекать, как младенца. Теперь Мариэль гуляла с ребятами, что радовало ее, как солнце в пасмурный день. Под плетнем девочки устроили домик, где кормили своих соломенных кукол и плюшевых медвежат. Все громко спорили, кому сегодня достанется роль мамы, но Мариэль не принимала участия в споре, ибо она полностью была поглощена происходящим на другой стороне тротуара – мальчишки играли в пятнашки. Вдруг один из них отделился и пошел прямо к Мариэль. Это был тот мальчик, который так сильно понравился ей вчера. Вблизи он был еще прекраснее.

– Привет!

– Здравствуй, – Мариэль не могла оторвать от него восхищенных глаз.

– Меня зовут Бенджамин Райнер, можно просто Бен, – и он протянул смуглую ручку. – Ты, наверное, не помнишь меня: я играл вчера с ребятами в футбол, когда наш мяч залетел прямо в ваш двор. Ты так поразила меня! Ну и не только меня.

– Нет-нет, я помню! Ведь ты играл лучше всех!

Бен задорно поморщился, оглядываясь на смех мальчишек.

– Ну вот, – загрустила Мариэль, – над тобой смеются, что ты имеешь дело с девчонкой.

– Мне наплевать! – заявил он. – Они просто завидуют, что с ними не говорит такая красивая девочка, а со мной – да.

Мариэль, ошеломленная, подняла голову на собеседника, и в глазах ее отобразилась радость, смешанная с приятным удивлением. Нежные щечки покрылись румянцем, и она что-то смущенно пробормотала.

– Так ты что, умеешь играть в футбол? – продолжал он.

– Нет, это получилось случайно.

– Из тебя бы вышел классный игрок! Если только бегаешь ты так же хорошо...

– Можешь проверить – убегай от меня.

И Мариэль погналась за прекрасным Беном Райнером. Девочки окликнули подружку, напомнив об игре в дочки-матери, но та, весело махнув рукой, прокричала, что потом присоединится. Конечно, она следовала за ним не по пятам, но и не отстала на несколько кварталов.

Вскоре они оказались у самого порта Голуэй, где разгружался небольшой корабль, там они и отдышались.

– А ты молодец. Я еще никогда не видел таких удивительных девочек, как ты. Я и не знал, что девочки бывают такими! Как же твое имя?

– Мариэль.

– Русалочка.

– Что?

– Ты напоминаешь мне Русалочку!

Они засмеялись, и вдруг Бен взял ее за руку и повел куда-то. Мариэль не стала сопротивляться, предвкушая что-то интересное. Они обошли здание магазинчика и по куче с песком, которую оставили рабочие, забрались на крышу, откуда открывался удивительно красивый вид на море.

– Здесь мы можем спокойно поговорить, – улыбнулся Бен и достал из кармана штанов какую-то черную пластину, протянув Мариэль.

– Что это?

– Положи в рот и жуй, это очень вкусно.

– Но оно какое-то черное.

– Так ведь это же слюда, какой она еще может быть. Только не глотай, а то у тебя отнимутся ноги и руки и голова оторвется от тела!

– Какой ужас! – пролепетала девочка. – Зачем же тогда это есть?!

– Чтобы быть важным.

Мариэль, пожав плечами, сунула в рот угощение и, наблюдая, с каким восторгом жует этот черный комочек Бен, пыталась распробовать дивный продукт.

– Ну как?

– Нормально. А зубы потом не будут черными?

Бен улыбнулся ей ослепительно белыми зубами вместо ответа.

– Может, благодаря этой штуке у меня вырастут наконец передние зубы? – с надеждой спросила Мариэль.

– И без нее они вырастут! Просто зубы всегда отваливаются, когда начинаешь ходить в школу, понимаешь? Ты ведь учишься уже?

– Да, а ты разве еще не ходишь в школу?

– Я пойду в этом году. Прошлой осенью бесплатная школа была закрыта, а теперь меня отправят туда. И тогда у меня тоже выпадут зубы.

Мариэль подумала о том, каким станет Бен, когда отвалятся его зубы, и почему так все странно устроено, а еще помечтала, как было бы здорово учиться с этим мальчиком в одной школе, сидеть за одной партой. Но ее участием был пансион для благородных, где учились одни девочки. Бен вдруг предложил:

– Будем с тобой друзьями, Мариэль?

– Будем! – радостно закивала она в ответ.

– Тогда мы должны рассказать друг другу свой самый главный секрет, иначе мы будем неполноценными товарищами, понимаешь? Вначале расскажу я, чтобы ты не боялась, что я тебя обману, – он выдержал паузу. – Я знаю, где находится дом со злым привидением. Мы с Раяном и Дэном – моими лучшими друзьями – однажды ходили на окраину города, там стоит заброшенный дом, который порой скрипит, и кто-то летает внутри него, какая-то белая дымка.

– Ой, как страшно! Но и интересно. Я хочу сходить туда!

Бен поглядел на нее с восхищением, схватил маленькую ручку и поцеловал. Мариэль ахнула от счастья и неожиданности.

– Ты такой необычный! – проговорила маленькая красавица.

– Почему? В чем?

– Ну не знаю...

– Это потому, что я – испанец!

– Ты испанец? – вытаращила и без того большие глаза Мариэль.

Бен закивал не без гордости.

Эти двое очень подходили друг к другу: она – прелестная ирландка с белоснежной кожей, яркими светлыми глазами, которые казались то голубоватыми, то изумрудными, как луга ее родной страны, мягкими светло-каштановыми волосами, маленьким носиком, тонкими алыми губками – было в ней какое-то редкое обаяние, свечение ангела, возможно, доброта души светила на этом милом личике; он же уже в детстве – выражение мужественности, гордости, черные глаза, обрамленные густыми бровями и пушистыми смоляными ресницами, такими же длинными, как и у его новой подружки, – и если бы не лучезарная улыбка, его бы сочли за грозного нелюдима, прямой нос, черные волосы, бакенбарды, как у взрослых мужчин, смуглая кожа. Рассматривая его, Мариэль чувствовала, как у нее кружится голова. Когда они были вместе, красота их удваивалась, и вряд ли кто-то мог бы пройти мимо, не обернувшись.

– Папа говорит, что испанский народ очень горячий, поэтому он предупредил, чтобы я себя держал в руках и не устраивал драк на улице. Нас и без этого не очень любят.

– Почему? – удивилась Мариэль.

– Не знаю. Потому что мы не ирландцы, но живем среди вас.

– Я не против, что ты тут живешь.

– Спасибо, – засмеялся юный Аполлон. – Теперь расскажи свой секрет, иначе мы нарушим кодекс дружбы.

– У меня тоже есть место, куда я никого не подпускаю, потому что оно мое. Но там совсем не страшно, а жутко красиво! Океан маков!

– И меня непустишь?

– Тебя пущу.

Они обменялись милыми улыбками, после чего Бен заявил, что теперь надо обнять друг друга, окончательно закрепив дружбу. Так Бен и Мариэль впустили друг друга в свои пламенные сердца.

Спустя час, в течение которого они разговаривали на всякие темы, которые так волнуют детей их возраста – а им было по восемь лет, – Мариэль опомнилась, что она гуляет не рядом с домом, как обещала, а намного дальше, и они со всех ног кинулись назад. Мариэль подбежала к особняку, во дворе которого уже стояла обеспокоенная миссис О'Бэйл, выпытывая что-то у девочек. Увидев дочь, она оставила свои расспросы и переключилась на нее:

– Мисс Мариэль, где вы пропадали?

Мариэль хорошо запомнила, когда в прошлый раз мама называла ее «мисс» – когда она залила водой любимый цветок миссис О'Бэйл, не понимая, что это погубит его. И вот теперь она напроказничала второй раз.

– Мамочка, прости! Я не заметила, как удалилась от дома. Я познакомилась с Беном Райнером, я за ним гонялась и...

– Какой стыд! – прервала ее мать, ведя за руку по направлению к дому, где ждала миссис Кинди, отчитывая по дороге: если она разрешила ей поиграть с девочками во дворе, это не значит, что надо превращаться из леди в беспризорицу.

Мариэль оглянулась на Бена со страшной тревогой – она очень испугалась, что теперь их дружбе конец, но он помахал ей рукой с безобидным видом.

Конечно, Мариэль не была наказана – просто миссис О'Бэйл сильно испугалась, что ее малышка пропала, да еще опасалась, как бы такие вольные прогулки не сказались дурно на ее ангельском характере: дворовые дети могут научить многим гадостям, была убеждена она. Девочке не был сделан выговор, но Мариэль была так чувствительна! Мало того что она счи-

тала себя виноватой, так еще и сочла, что ее поругали, а потому ходила весь оставшийся день притихшая и с виноватым личиком.

Когда Мариэль укладывалась спать, мама зашла в ее комнату и объяснила, что она вовсе не против ее дружбы с местными ребятами, но она должна не забывать, как подобает себя вести истинной даме, и никуда не убегать. Слезы раскаяния проявились в глазах девочки – одно дело терпеть, когда человек злится на тебя и говорит строго, а другое – когда он вдруг смягчается, и ты словно еще сильнее осознаешь степень своей вины. Миссис О'Бэйл поцеловала дочку на ночь, заглянула в умиротворенное личико, щелкнула ее по носу, назвав Маковкой, и погасила свет.

А в это время Бенджамин лениво плелся по пыльной дороге – ему не хотелось уходить домой, хотелось хотя бы еще чуть-чуть побыть с Мариэль, этой маленькой лапочкой. Но, похоже, ее мама не одобряет какой бы то ни было привязанности дочери.

Миссис О'Бэйл, спустившись в гостиную на первый этаж, заговорила с сестрой.

– Что это за Бен Райнер, Линда? Ты его знаешь?

– Этот мальчишка, что был с Мариэль? Да, я видела его пару раз около своего дома – ребята часто гоняют здесь мяч, поскольку дорога здесь расширяется, а ею мало кто пользуется. Он – любимец местных мальчишек, звезда.

– Линда, дорогая, меня больше интересует, кто его родители.

– О, я не знаю. Он живет на противоположном берегу реки. Как-то раз служанка развешивала на улице белье, а я как раз читала на веранде и слышала, как он поздоровался с нею, заговорил. Кажется, он растет без матери. Ну, ты же видела его и должна понимать, откуда он...

Миссис О'Бэйл долгое время жила в Голуэе, и, конечно, для нее не было секретом, что в их порту разгружались контрабандисты из Испании и Франции. Очевидно, какой-то испанец нелегально обосновался в этом ирландском городке, промышляя своим черным, но чертовски прибыльным делом, обзавелся семьей и прирос к этой земле. Женщины переглянулись, и у обеих пронеслась одна и та же мысль.

На самом деле Бенджамин, когда ему не было и трех недель, привез испанский корабль, на котором никто не знал, откуда взялся ребенок. Бедный рыбак из Кладдаха, находившийся в порту Голуэя в то время, когда причаливал испанский товарный корабль, решил взять мальчика к себе, ведь у него с женой не могло быть детей. Целыми днями Бен с отцом рыбачил, они обсуждали все на свете, смеялись и резвились. Им было хорошо вдвоем: казалось, никто больше и не нужен. Небеса будто увидели это и забрали любимую жену мистера Райнера, когда Бену стукнуло четыре. Он был очень смышленным мальчиком и уже с этого возраста начал помогать отцу. За одним несчастьем последовало другое: сгорел их дом. Заработать продажей рыбы много не удавалось, тогда они переехали в Голуэй – молодой перспективный город, где требовалось много рабочих рук. Встала острая необходимость заработать на жизнь в краткие сроки, вот и вышло так, что промысел рыбака со временем перерос в совсем иной. Оставляя маленького Бена у знакомых, мистер Райнер плавал в Испанию и Францию и прибывал с неплохой добычей. За пятнадцать лет у него скопилось достаточно, но он предпочитал жить так, как жил раньше; да и незачем было показывать людям, как ты резко разбогател, это сразу толкало на нехорошие, но верные мысли. Трудолюбивый ирландец и сам не рад был заниматься контрабандой, но ради горячо любимого Бена пошел и на это, но каждый час молил прощения у Господа за то, что он делал, и надеялся, что скоро все вернется назад. Он не хотел жить праздно. Его манило лишь море, морской воздух щекотал его ноздри и дразнил душу. Он бы век плескался по океану в своей посудине, наставляя сети для рыбы, но он был не один, а раз он взял под свое крыло мальчика-испанца, теперь должен обеспечить его.

Все следующее утро Мариэль ждала появления Бена. На сей раз она устроилась у калитки с вышиванием в руках, перетащив сюда плетеное кресло, чтобы сразу заметить появление своего друга. Вышивание Мариэль так и не принесло никаких плодов, потому что взгляд ее все

время блуждал от одного конца улочки к другому, а руки выполняли какие-то механические операции по привычке. Когда настало время обеда, она совсем отчаялась, и как раз тогда Бен объявился. Он окликнул Мариэль, когда она вместе с тетей, мамой и старшей сестрой обсуждали новость, полученную из Дублина: старший сын миссис О'Бэйл получил приход в одной из церквей города. Девочка выглянула из окна и, увидев Бена, хотела побежать сию же секунду, но вспомнила о приличиях.

– Ой, мама, Бен пришел!

Миссис О'Бэйл и миссис Кинди переглянулись, и хозяйка выговорила:

– Пригласи его сюда, детка.

Через несколько секунд счастливая Мариэль тащила смущенного Бенджамина, в темных глазах которого светился живой интерес. Четыре пары женских глаз уставились на него с любопытством и восхищением – да, он не мог не поразить даже тех, кто заведомо отнесся к нему с предубеждением. Когда знакомство состоялось, Бен был приглашен разделить с этой семьей обед. Кассандра первым делом разведала, нет ли у этого симпатичного малыша старшего брата, но оказалось, что ей не повезло, и она на секунду возненавидела Маковку за то, что она так вовремя родилась. Бенджамин отвечал на многочисленные вопросы миссис О'Бэйл относительно его семьи и жизни, уплетая мясную запеканку, и его взгляды на мир показались женщинам очень здравыми и серьезными для такого юного джентльмена. Когда закончилась эта «проверка на вшивость», о существовании которой Бен не мог догадаться в силу неискушенности в светских уловках, мальчик на ближайшее время был оставлен. Миссис О'Бэйл подвела итог: это неплохой мальчуган, хоть и баловник, да и нрав у него, надо думать, горячий. В целом она пришла к выводу, что ему можно доверять и пусть Мариэль дружит с ним, раз хочет.

Когда дети побежали, довольные, навстречу уличным забавам и приключениям, миссис Кинди поинтересовалась, какой эффект произвел на сестру новый друг дочки.

– Весьма недурно, Линда. Хотя, признаться, я обычно против, когда дружат дети из разных социальных слоев, но, похоже, он не такой уж и бедный, как я сначала подумала. Ему купили велосипед, как только он попросил. Я вижу, что у него доброе сердце, а это дорогого стоит. Он не обидит Мариэль, поэтому пусть играют вместе.

– Да, очень славный мальчик. А какой красавчик!

– Испанская кровь.

– Это-то тебя и волнует?

– Линда, пока они дети, волноваться не о чем, не будем же мы воспринимать его как жениха!

Миссис Кинди рассмеялась, и вместе они побрели пить кофе на веранду. А Бен и Мариэль уже шагали по дороге, взявшись за руки. Бенджамин чувствовал, что должен защищать свою подружку, потому взял на себя главенствующую роль, впрочем, Маковке даже нравилось чувствовать себя под его защитой, ощущать его заботу. Он никогда не дразнил и не обижал никого из девочек, не то что другие мальчишки, и рядом с ним никто себе не позволял этого. Бен сказал Мариэль, что, если она только пожелает, он примет ее в тайное общество, состоящее из него самого и еще двух его товарищей. По вечерам они ходят на пирс, рассказывают страшные истории, наблюдают за таинственным домом с привидением, ищут сокровища и делают еще много всяких интересных вещей, о которых не положено знать другим ребятам. Мариэль безумно обрадовалась, что ей, девчонке, можно вступить к ним в компанию. Это было верхом почета даже для мальчиков, куда уж там хотя бы помечтать девочке – и вдруг ей предлагают такую честь... Бен и Мариэль забрались на пирс, и он показал свой дом, который виднелся на другом берегу реки.

– И тебя отпускают так далеко от дома, Бен?

– Ну а что мне сделается? Да и тут не так далеко, как кажется. На лодке я переплываю реку за несколько минут.

- На лодке?!
- Ну да, это быстрее, чем в повозке или на лошади в объезд.
- Но ведь это так опасно!
- Не очень. Хочешь, я тебя покатаю прямо сейчас?
- Нет, нет, Бен! Я боюсь воды!
- Ты? Боишься? Ха-ха! Ни за что не поверю!
- Но это правда! Я не умею плавать.
- Но ведь плыть будет лодка.
- Нет, я не хочу!
- Ну ладно. Тогда давай просто заберемся в лодку и подождем, пока придут Дэн и Раян.

Так они и сделали. Бенджамин изображал из себя капитана корабля, а Мариэль была юнгой. Старая деревянная лодка, покоившаяся на берегу, тряслась, оттого что Бен раскачивал ее, будто начался шторм, Мариэль – жертва беспощадной стихии – наигранно кричала, размахивая руками. Вдруг Бен забрался ногами на противоположные борта лодки, словно джигит на двух лошадях, и, не рассчитав расстояние, свалился с хохотом на землю. Маковка хотела было кинуться на помощь, забыв об игре, но маленький испанец напомнил ей, что теперь, когда капитан погиб, она должна управлять кораблем, а он теперь превратился в акулу, которая будет нападать. Так они резвились целый час, пока, наконец, не пришли два лучших друга Бена. Они уже были предупреждены, что придет девочка, которая отбила мяч, и ничуть не удивились, однако и скромничать они не стали, увидев эту красавицу рядом. Они подбежали и стали пожимать обе руки Мариэль, что рассмешило ее. Когда Маковка продемонстрировала им, как легко она может попасть из рогатки, которую ей сделал Бен, в жестяную банку, на их удивленных лицах отобразилось уважение. Мариэль поняла, что теперь она будет им как друг, свой человек, и в то же время приятно было сознавать, что с ней, несмотря на эти мальчишеские фокусы и небывалую для девчонки ловкость, все же обращались как с девочкой. Мариэль подумала, что мама незамедлительно заперла бы ее в чулане, увидев, как она проводит время, но здесь было так хорошо, даже лучше, чем играть в дочки-матери, и потому она отгоняла эти мысли. Четверка детей расположилась на пирсе, и сначала мальчишки посвятили Мариэль во все условия существования их общества, а уж затем начали вместе разрабатывать план спасения феи, которая попала в ловушку, залетев в дом с привидением.

Бен, обняв всех на прощание, ловко забрался в лодку, и, заскользив веслом по воде, взял курс на другой берег. Остальные тоже отправились по домам: Раян и Дэн зашагали небрежно, а Мариэль побежала что было сил, молясь, как бы не опоздать к условленному сроку. К несчастью, она опоздала, но Кассандра натворила какую-то глупость, и миссис О'Бэйл даже не заметила провинности младшей дочери.

С тех пор каждый божий день Бен и Мариэль вместе гуляли, часами сидели в лодке, наблюдая за бабочками и стрекозами, жевали слюду, кормили чаек у реки. После обеда к ним присоединялись Раян и Дэн, вместе они прокладывали путь к старому дому, затем играли в футбол, причем Маковка была не просто судьей или зрителем, а равноправным игроком. Частенько они собирались на площади, где играло много ребят из города, каждый день приходили новенькие, но Бен всех знал, – столько друзей было у него! И все любили его, поклонялись, как Богу. Это и неудивительно, ведь он всегда выдумывал различные веселые игры – как и Маковка среди девочек, сеял вокруг приключения; защищал слабых; ласково относился ко всем. Ребята чувствовали в нем независимость. Да, дитя свободы – он был героем Голуэя. Когда Бену приходила пора отправляться домой, все тоже расходились, однако обычно он уходил последним, потому что ему разрешалось гулять до самого заката солнца. Он вырос в бедной семье, а был самым первым джентльменом: когда незаметно темнело, Бен сначала провожал Маковку, а уж потом бежал к лодке. Как быстро проходил день, как не хотелось Мариэль расставаться с другом, но наутро они встречались снова.

Однажды, когда Бен и Мариэль по обыкновению сидели вдвоем в старой лодке, Маковка спросила:

– Бен, а что ты будешь делать, когда я уеду?

Юный испанец и сам частенько задумывался над этим вопросом, но выхода из положения так и не нашел. Ему не хотелось думать, что такой черный день рано или поздно настанет.

– Ну, я буду приезжать к тебе на велосипеде.

– Но ведь чтобы добраться до Бэнчизы, нужно будет крутить педали полдня!

– Я бы крутил педали хоть столько, пока у меня борода бы не выросла, лишь бы увидеть тебя!

У Мариэль застыли в глазах слезинки, словно хрустальные звездочки.

– Ты женишься на мне, когда мы вырастем? – спрашивала Мариэль.

– Да! Если ты останешься такой же красивой! – Бен погладил ее по волнистым волосам.

– А если я стану некрасивой-пренекрасивой, как уродливая ведьма?

– Ну, тогда я отрежу себе уши и нос, и мы будем двумя уродами.

И они, представив это, расхохотались.

Теперь все ребята в городе знали, что Мариэль – не просто подружка Бена, но что у них амур-тужур. Их называли женихом и невестой, кто-то смеялся и пытался их дразнить, но юные влюбленные лишь обаятельно улыбались беззубыми ртами.

Так прошел месяц – месяц беспечной радости, ничем не омраченной, месяц счастья! Уплетая индейку в сливочном соусе, Мариэль услышала вдруг то, что злым ураганом, сквозняком вымело у нее радость с души.

– Завтра утром мы уезжаем, – проговорила миссис О'Бэйл, обращаясь к дочкам.

Первой очнулась Кассандра, которой тоже нравилось пребывание в Голуэе, несмотря на многочисленные запреты. Здесь есть и театр, куда ее отпускают и который так полюбился ей, новые подружки, с которыми каждый вечер они устраивали посиделки, галантные кавалеры, среди которых появились ухажеры за своенравной шатенкой, вечеринки – всего этого в Бэнчизе нет, там самым приятным было чтение книги, а вообще полдня приходится работать на ферме.

– Мама, но у нас еще целый месяц каникул! Мы уезжаем слишком рано!

– Хватит, – отрезала миссис О'Бэйл, – тебе лишь бы развлекаться, а подумать о том, что папа и брат работают за нас всех, не жалея сил, словно чернорабочие, тебе совести не хватает?! Мы провели тетю Линду, отдохнули – и довольно. Пора вернуться к своему укладу. Мариэль еще может погулять сегодня до ужина, а ты, Касси, пойдешь со мной в магазин, а то знаю тебя: убежишь и не вернешься к утру!

– Я могу убежать ночью, пока все спят! – отразила атаку строптивая Кассандра.

– В таком случае придется привязать тебя цепью, спасибо за предупреждение.

Касси взревела внутри себя, но снисходительно улыбнулась, как хорошая актриса. Несмотря на то что поступали не по ней, Кассандра почувствовала себя победительницей, ведь миссис О'Бэйл полагала, что самообладанию ее старшей дочке не научиться никогда, и вот – ее первый успех.

– А-а-а, – протянула миссис О'Бэйл, – местные девчонки уже научили тебя всяким фокусам, да? Смотри, Касси, с огнем не шутят, даже если ты той же природы.

Мариэль провела остатки бесценного дня, стараясь не думать о том, что скоро придется уезжать, но Бен, который принял новость довольно болезненно, хоть и стараясь казаться веселым, был все же опечален, и смех получался каким-то натянутым. Вместо футбола Бен и Мариэль отправились на озеро. Болтая свешенными с пирса ногами в прохладной воде, они молчали, и даже слюда казалась Бену менее вкусной, чем обычно. Он думал о том, что нескоро Мариэль приедет сюда снова, возможно, даже не следующим летом, и каждый месяц она будет вспоминать его все реже и реже. Его образ затянется туманом, а вскоре и вовсе сотрется. А он

никогда не забудет ее волшебных глаз цвета морской волны, то голубых, то зеленых, светившихся добром, глаз, в которых отражалась сама душа, не забудет ее звонкого смеха, медно-каштановых длинных волос и как пахло от нее маками – то ли потому, что она так часто твердила о них, вспоминая свое любимое поле, то ли потому, что впитала их запах навеки. Странно, но Мариэль думала так же: она уедет в свою тихую Бэнчизу и будет жить воспоминаниями, а здесь, где все так любят и дорожат Беном, он вскоре забудет ее, возьмет новую девочку к себе в шайку и так же будет сидеть с ней в лодке, выдумывая бесконечные названия звезд, и жевать слюду. Как несправедливы друг к другу были они оба! Вдруг почувствовав это, встретившись настороженно глядящими глазами, они в одно мгновение кинулись друг к другу в объятия. Бенджамин в горячих чувствах поцеловал Маковку в щечку, да так смутился, что ему пришлось соврать, будто он увидел большую рыбину. Вскоре к ним присоединились Раян и Дэн, и у ребят состоялось последнее собрание в полном составе. Эти двое подарили Маковке на память по веточке вереска, которые позже она засушила и вложила в любимую книжку, а Бенджамин протянул недоуменной Мариэль веревочку.

– Мы нашли это в доме с привидением, помнишь?

Мариэль помнила. Помнила все, каждую мелочь. На память о себе она протянула серебряную брошь с буквой «М», которую Бен незамедлительно сжал в кулаке. Напоследок они, присоединившись к другим ребятам на площади, поиграли в салочки, и Мариэль, попрощавшись со всеми, с кем сдружилась, побежала домой.

За пару минут до того, как Маковка появилась в гостиной, миссис Кинди поведала своей младшей сестре: не надо было подпускать этого испанского мальчишку близко к дому, а тем более к Мариэль. Оказывается, его семья принадлежит к другому клану, точнее – восходит по происхождению к семье Райнер, с которыми Кинди были далеко не в дружественных отношениях. Миссис О'Бэйл помнила англо-норманнскую традицию, по которой Голуэй стали называть городом кланов. Самые влиятельные семьи враждовали между собой с давних времен. Год тому назад, как выяснила миссис Кинди, приемный отец Бена, простой рыбак, задумал купить недвижимость – вот тут-то и выяснилось, что у него много денег, о существовании которых никто и не догадывался. Некая миссис Финчи видела собственными глазами, как старик Райнер снимал деньги со счета в банке. Новость разлетелась по той части города, что была за рекой, с небывалой скоростью, и мистера Райнера заподозрили в темных делах.

– Итак, – подытожила миссис О'Бэйл, не изменившись в лице, – моя малышка дружила с оборванцем, подкидывшем из враждебной нашим предкам семьи, воспитанником контрабандиста, – словом, все приметы указывают на то, что он станет дрянью... Но, сестра, он же ребенок! Эта грязь не запятнала его!

– Но, Юлиана, дорогая, когда он вырастет...

– Когда он вырастет, – перебила миссис О'Бэйл, – мы этого не узнаем.

После ужина миссис Кинди и ее сестра стали укладывать вещи, Кассандра сидела на диване, наслаждаясь тем, что уродовала свое вышивание – пусть мама увидит, что из нее не выйдет порядочной белошвейки, и ее, может, наконец избавят от этих глупых занятий. А Мариэль играла с белоснежным котенком, которого недавно родила ленивая кошка миссис Кинди, время от времени выслушивая жалобы сестры, сетовавшей на то, что им не дают воли и простора для жизни. Напрасно Мариэль глядела в окно в надежде – Бен так и не появился. Ночью Мариэль безуспешно пыталась заснуть, но ее организм словно решил уловить последние минутки пребывания в Голуэе, понимая, что скоро придется уехать.

– Маковка, – шепотом разорвала тишину Кассандра, – ты чего ворочаешься?

– Мне не спится, Касси.

– Мне тоже.

– Ты что, и правда решила сбежать?

– Это было бы здорово, но мама все равно не упустит меня: натравит полицию, и меня найдут, а скрываться в подвалах и на старых пристанях как-то не манит. Тебе тоже не хочется покидать Голуэй?

– Ой как не хочется! Расстаться с Беном для меня сущая мука!

– Наша Маковка влюбилась! – хихикнула Касси, а Мариэль забралась в кровать сестры и принялась щекотать ее.

– Ну ладно, полегче! Мне нравится твой дружок. Таких красавцев, думаю, на земле больше нет, да и он просто местная звезда. Есть в нем какое-то подкупающее очарование, сила... Ох, Маковка, берегись его!

Утром за женщинами семейства О'Бэйл приехала карета. Пока служанка складывала чемоданы, миссис Кинди давала наставления сестре, а Мариэль побежала навстречу приближающемуся Бенджамину – кинулась к нему в объятия, он закружил ее, чем вызвал недовольство миссис О'Бэйл, которая, пожалуй, еще чуть-чуть да и не стерпела бы – выставила его вон. Бен снял с шеи нитку, на которой висело кольцо, и протянул колечко Мариэль. Маковка взгляделась в почерневшие буквы на серебре: «Бенджамин Райнер». Теперь ей стало ясно, для чего вчера Бен подарил ей веревочку. Она повязала медальон на шею и сказала, что никогда не снимет его. Они обнялись, но поклялись друг другу, что не в последний раз. Черные брови Бена страдальчески изогнулись, трогательная тоска окутала зрачки, но он улыбнулся весело, счастливо, и Мариэль с легкой грустью в глазах, выпустив из маленькой ручки последний палец своего друга, кинулась бежать в карету, где все уже ждали ее. Бен бежал за каретой добрых полмили и пожалел, что не догадался взять велосипед, но ничего, в кармане лежал адрес Маковки, и когда-нибудь он им воспользуется. А Мариэль все махала ему рукой, пока он не остался позади. Тогда Маковка уперлась в спинку сиденья и всю дорогу ехала, потупив взгляд, коротко отвечая на вопросы, и даже ни разу не затянула вполголоса песенку.

Приехав в Бэнчизу, женская половина семьи О'Бэйл узнала потрясающую новость, о которой глава семейства не стал говорить в письме: бюджет имения пополнился тысячью фунтов. Какой-то дальний родственник по линии мистера О'Бэйла, о котором никто толком и не знал, решил вписать его в свое завещание, выделив крупную долю. Три недели назад он скончался, и завещание вступило в силу. За то время, пока женщины отдыхали в Голуэе, приезжали специалисты и уладили с хозяином все формальности. Деньги перечислили на банковский счет мистера О'Бэйла, который решил незамедлительно воспользоваться ими и отремонтировать Бэнчизу. Миссис О'Бэйл и Кассандра радостно захлопали в ладоши, предвкушая все выгоды этого сюрприза, и лишь Мариэль погрустнела, узнав о судьбе несчастного джентльмена; впрочем, в атмосфере радости и везенья этого никто не заметил. «Скончался, – думала Маковка, – какое странное слово, злое, неизвестное. Куда он ушел? Почему?» Ответов на эти вопросы у маленькой девочки не было.

Когда восторг поутих, мистер О'Бэйл поведал о своем плане: им придется переселиться в Голуэй на полгода, а может, и год, пока будут идти строительные работы, но ему самому раза два в неделю придется появляться здесь, чтобы отлаживать ход работы и давать поручения. Но до этого еще целый месяц: пока начертишь план реставрации, пока наймешь работников – пройдет немало времени. Касси и Мариэль не смогли не высказать свою радость – благодаря задумкам папы они вновь окажутся в Голуэе. Кассандра подмигнула сестренке и потащила в свою комнату Томаса, который, как и его сестры, обрадовался путешествию, дабы посвятить его во все подробности своих приключений. Миссис О'Бэйл, собственно, была не против ремонта, особенно если учесть, что поместье не подвергалось реставрации около сорока лет, но полгода жить в Голуэе, да еще и без мужа (а она предчувствовала, что именно так и будет) – нет, это выше ее сил. Она еще достаточно молода и энергична, чтобы оставаться в стороне без дела. Однако замыслам ее мужа не было преград. Стоило ему лишь задумать что-то – механизм тут же приходил в движение. «И почему в Голуэе мама не была так занята?!» –

думала Кассандра, наблюдая, как ее мать, наскоро позавтракав, заторопилась в библиотеку с целой кипой бумаг с проектами новой Бэнчизы в руках. Полностью переделывать поместье никто не собирался, разве что перенести вход, чтобы расширить холл, но следовало продумать, как это сделать так, чтобы не задеть веранду; конечно же, надо сменить кровлю, отделать полы мрамором, обустроить гостиную по новой моде – такие вещи были по вкусу хозяйке, возиться с этим было ее любимым делом.

Через пару недель в Бэнчизе объявился почтальон, который привез письмо, адресованное Мариэль. Маковка во всю прыть понеслась на свое поле, где, устроившись, жадно впитывала глазами каждую строчку. «Дорогая Мариэль, – писал Бен, а точнее диктовал мистеру Райнеру, – стало так грустно кругом, когда ты уехала. Первые два дня никто из девочек, с которыми ты дружила, не выходил гулять. Мы с Дэном и Раяном по-прежнему сидим у реки. Они говорят, что без тебя стало скучно. Это правда. Вчера мы поймали большую рыбу и накормили ею всех бродячих котов во всем Голуэе. А еще я нашел одно место, где черной жвачки так много, что хватит на все лето, даже если ее жевать целые сутки! На улице стало холодать, и мама Раяна заставляет его ходить в обуви. Бедняжка Раян! Хорошо, что мне можно шлепать босиком по лужам. А Дэн говорит, что тогда вырастут бородавки. Мариэль, скоро я пойду в школу, и у меня отвалятся зубы. Наверное, ты не узнаешь меня, когда приедешь следующим летом. Так долго ждать! Мне кажется, я тебя не видел сто лет, хотя прошла неделя. Ты мне снишься каждый день. Я очень скучаю и жду, когда ты приедешь. Твой друг Бен». Мариэль улыбнулась, посмотрев на небо, и воскликнула, обращаясь к необъятному морю маков: «Ну почему, почему я не рядом с Беном?!» Никто не ответил ей, лишь легкое колыхание, словно шепот, пронеслось над цветами. Маковка откинулась на спину, так что ее скрыли длинные стебли огненно-красных цветков, и утешила себя мыслью, что все же ждать осталось не так долго, ведь благодаря папиным планам они с Беном встретятся не далеким летом, а через полмесяца.

Но Бенджамин не знал о прекрасной новости и без своей подружки просто ходил с ума. Как-то Бен, когда они с мистером Райнером рыбачили на берегу реки, внимая безмятежно-спокойной ночи, поведал отцу, как сильно он скучает по Мариэль, а ведь раньше такого не бывало. Даже когда Дэн и Раян, заразившись ангиной, не выходили на улицу несколько недель, он не изнывал так сильно – теперь же тоска просто разъедала его сердце, особенно когда вспомнишь, что до следующего приезда Маковки – целый год! Даже играя в футбол, он не может не думать о ней. Мистер Райнер объяснил сыну, что, надо думать, он влюбился, а значит, влип по полной, однако он обошелся не одним лишь сочувствием и подсказал мальчишке, что можно сделать.

И вот Бенджамин наутро запряг свою кобылу и поскакал, по совету отца, в Бэнчизу. «Старый дурак навлечет на парнишку беду», – возразит кто-нибудь, но любовь всегда покорится простодушию и зову сердца, и он знал об этом.

Спустя пять часов на горизонте замаячила Бэнчиза, белая, точно привидение, с колоннами из мрамора, в легкой дымке холодного тумана. Мариэль как раз возвращалась с макового поля, в третий раз перечитывая драгоценное письмо, как вдруг услышала стук копыт. Мгновение – и она уже летит навстречу прекрасному испанцу. «Бен, Бен!» – обнимала его Маковка в трепетном восторге. Он смеялся чудесным, звонким, по-детски нежным голосом, сверкая от счастья темными, как семена маков, глазами. Как он был рад этой встрече – искренней, теплой, ласковой, только Мариэль могла быть такой! «Ангел, – думал Бен, глядя в ее изумрудно-лазурные глаза, – маленький ангел». Не только радость, но и благодарность светилась под черными ресницами маленькой красавицы.

Маковка повела Бена в дом, оповещая, что ее друг приехал. Наткнувшись на маму, Мариэль вдруг поняла, что та не просто не разделяет ее восторга, но пришла в ужас. Если бы не папа, выглядевший более дружелюбно, пожалуй, девочка разразилась бы слезами.

– Ну здравствуй, дружок! – протянул руку мистер О'Бэйл, отметив про себя, как прекрасен этот малыш. – Давно хотел на тебя поглядеть.

Миссис О'Бэйл наконец взяла себя в руки и позвонила в колокольчик, заказав чай. Вскоре вся семья О'Бэйл и неожиданный гость разместились в уютной столовой, которая, впрочем, сразу перестала быть уютной, обратившись в поле боя. Бедный Бен храбро стоял под натиском миссис О'Бэйл, задававшей вопросы таким образом, что Бену приходилось нелегко. Еще больше страдала Мариэль, видя, как мама наказывает ее друга лишь за то, что он вырос в бедной семье. Как несправедлива была она! «Неужели, – безмолвно вопрошала Мариэль, – ты и меня бы, мамочка, не любила, если бы я была небогатой?» Бедная Маковка, твой мир начал рушиться уже тогда, уже тогда крепкая стена дала трещину там, где никто не ожидал... Но миссис О'Бэйл пустила в ход все свое коварство, о котором дочь донине не подозревала, не только из-за происхождения Бена – она разозлилась, что он отбирает у нее Мариэль. Впервые она осознала, что у ее дочери есть кто-то ближе ее самой! И вместо того чтобы винить себя, она травила горечью две невинные души, чуткие и ранимые. Бенджамина жизнь научила отстаивать свои законные права, держать удар, не сдавать свою территорию, поэтому он справился без особого труда, проглотив эту пилюлю, а вот у Мариэль она застряла в горле и принялась душить ее.

После чая мистер О'Бэйл отправил детей погулять, дабы поговорить с женой и убедить ее быть мягкой к другу Маковки. Тем временем Мариэль шла вся в слезах, и даже Бен не мог утешить ее. Он и сам понимал всю несправедливость действий миссис О'Бэйл, и это очень ранило его самого, но видеть, как расстраивается из-за этого Маковка, было сущим адом. Лишь напоминание о том, что надо радоваться тому, что, несмотря на все невзгоды, они вместе, позволило слезам остановиться.

Вместе ребята побежали на маковое поле, куда Мариэль так давно мечтала привести Бена! Словно острым копьем кольнуло Бена, когда он увидел великолепный ярко-алый ковер, пестревший черными пятнами. Пьянящий, чарующий аромат лился в самую душу. Они пробрались сквозь густой лес цветов все дальше и дальше, пугая стаи шустрых трясогузок. Бен услышал будто бы звук кастаньет, и Маковка объяснила ему, что семена маков зреют в коробочках и, когда налетает вихрь ветерка, раскрываются и звенят, будто погремушки.

Два часа просидели они, болтая о птицах, что парят в небесах и выют гнезда в лесу, о солнечных долинах, о богатых виноградниках, о звездах и планетах, о пиратах и сокровищах, – как интересно им было вместе! Затем Мариэль захотела показать Бену весь дом; он никогда не бывал в таких старинных особняках, а потому то и дело присвистывал от удивления, видя какую-нибудь диковинную вещь. Потом Бен, заинтересовавшись увесистой книжкой с яркими картинками, выказал желание научиться читать. Благо буквы он усвоил до этого, Маковка показала, как из букв складываются слоги, а из них – слова. На лице мальчика отражалось удовольствие, когда, озвучивая написанное, он узнавал слово. Однако когда не получалось, Бен хмурился и нервничал, огорчаясь, что его способности не удивляют Мариэль. Он так старался завоевать ее похвалу и из-за этого, торопясь, допускал ошибки. Вместе они играли в шашки, рассматривали игрушки Маковки, просто сидели, глядя друг на друга. Как не хотелось Мариэль отпускать Бена домой, но тянуть уж было некуда – если он не уедет сейчас, придется возвращаться почти на ошупь.

Мистер О'Бэйл оседлал лошадь, чтобы проводить мальчика, чем удивил свою супругу, кроме того, хозяин семейства подумал, что и Маковку лучше взять с собой – во-первых, его жена может в его отсутствие начать проводить свою политику, а во-вторых, он чувствовал, как сильно хочется Мариэль сопровождать их. На ее лице была отражена какая-то обреченность, словно она не верила, что ее мечта осуществится. А потому, когда он озвучил свой приказ, Мариэль запрыгала от радости. Мистер О'Бэйл посадил Маковку к себе в седло, а Бен ехал рядом. Он смотрелся очень грациозно, никто не мог не отметить этого. Мариэль почти не вступала в разговор, а слушала, о чем папа говорит с Беном. Да она и не знала ничего об охоте или судостроении, о скачках и ставках. Когда стемнело, разговор прервался, и все ехали

осторожно, наблюдая лишь за тем, куда ступает лошадь. Бенджамин думал о радостной весте, которую поведала Мариэль: в Бэнчизе будет ремонт, и они какое-то время будут жить опять в Голуэе. Как удачно все сложилось, как хорошо, что Бэнчиза – имение старое!

Когда путники приблизились к дому Бена, там уже не горел свет. По словам мальчика, его отец ушел в море, иначе он бы точно дождался его. Мистер О'Бэйл слегка расстроился, ведь он надеялся на знакомство. «Хотя, возможно, – подумал он, – это даже к лучшему: какой уж прием гостей посреди ночи?!» Дети попросились, и семья О'Бэйл собралась вместе только к двум часам ночи. В дороге Маковка уснула, но теперь ее перенесли в кроватку, головка оказалась на подушке и мгновенно погрузилась в сладкий сон.

Жизнь вошла в свое русло, только теперь для Мариэль и Кассандры дни потекли куда медленнее, ведь они нетерпеливо считали часы до отъезда. Миссис О'Бэйл все носилась со своими проектами, и у нее, напротив, ни на что не хватало времени. Томас помогал отцу. Теперь, когда у них появились реальные деньги, они наняли работников: стригалей, землепашцев, и наконец-то им обоим выдалась возможность отдохнуть. Хоть их семья и значилась зажиточной, мужчины работали вместе с немногочисленными наемными рабочими, совсем как простые крестьяне. Теперь же главной заботой сделалось управление рабочей силой, а это не было таким изнуряющим трудом. Возделывалась земля, овцы давали мясо и шерсть, – для Бэнчизы наступили хорошие времена. У Маковки пока не было особых забот – в ее обязанности входила только уборка по дому, да и то, когда наняли горничных, за ней был закреплен только цветник, который надо было поливать и обрабатывать. Каждую неделю приезжал Бен, и они бежали отдыхать на маковое поле, которое оставляли лишь за несколько часов до заката. На фоне багряных небес маки смотрелись изумительно, и уходить вовсе не хотелось. Даже миссис О'Бэйл, которая не была сентиментальной, завидев такой закат, появлялась на поле засвидетельствовать дивную красоту природы.

Десятилетие Мариэль справляли все еще в Бэнчизе. Мама подарила ей красное платье, о котором девочка мечтала с младенчества. Широкие клинья образовывали пышный подол, обшитый рюшками, сверху оно было приталено, с узкими кружевными рукавами – Бен обомлел от ослепительной красоты, когда увидел ее. Маковку интересовал фольклор, она часами могла разговаривать о феях и эльфах, ведьмах и гномах, а потому Бен подарил ей книжку в духе романтизма, толковавшую о деяниях этих существ. Мистер Райнер, провожавший Бена, был также приглашен на празднование. Приход других гостей не предполагался, но приехавшая миссис Кинди разбавила их компанию. Мистер Райнер заметно смущался, даже несмотря на то что мистер О'Бэйл сразу заявил, что теперь они должны быть друзьями, раз уж их дети так нравятся друг другу.

Мариэль пылала от счастья, что Бенджамин пришел с папой. Ей так давно хотелось познакомиться его со своими родными! Сам мистер Райнер не мог налюбоваться Маковкой, а в этом новом платье она была точно как цветочная принцесса.

Однако любой вечер заканчивается, закончился и этот. Золотой листопад сменился холодами. Прошел еще один год, на протяжении которого Бен и Мариэль виделись каждую неделю, а потом наступил долгожданный переезд в Голуэй. Пришлось перевезти даже кое-какие вещи, потому что отделка Бэнчизы обещала быть долгой. Миссис О'Бэйл пришлось со слезами уговаривать мужа не переводить младшую дочку в простую голуэйскую школу, которая наложит на девочку отпечаток провинции, в то время как она знатного происхождения. Она решила возить дочь каждое утро за несколько десятков миль, дожидаться, пока закончатся уроки, и ехать обратно – и все в ущерб личному времени. На Мариэль миссис О'Бэйл возлагала большие надежды: у нее мягкий характер, здравый ум, истинная честь – она не влипнет ни в какую историю, поэтому ее можно будет отправить за хорошим образованием со спокойной душой. А Мариэль, бедняжка, так рассчитывала на то, что они с Беном будут ходить в одну школу

и видется на переменах. Увы, это не сбылось. Теперь каждый день Маковка возвращалась домой вечером, в то время, когда ребята уже успевали нагуляться и наиграться, она же, опустошенная, утомленная после долгой дороги, еле успевала сделать уроки и валилась с ног. В первый дни, когда Мариэль еще не привыкла к трудностям, она частенько засыпала на скамейке во время спокойной игры или клевала носом во время ужина. Только когда наступали каникулы, можно было узнать прежнюю Маковку – живую, неутомимую, шуструю. Все было как раньше: и беседы у пирса с Дэном и Раяном, и прятки со всеми ребятами, собиравшимися на площади, и бешеные догонялки по всему Голуюю. Мариэль свято дорожила всем этим, а особенно минутами, проведенными вдвоем с Беном. У них было два любимых места: на крыше, где они сидели в первый день знакомства, и в старой лодке.

Прошло еще около двух лет. Бен вырос, догнав всех ребят и даже перегнав большинство из них, его голос погрубел, и он почувствовал себя взрослым. В его характере не произошло значительных перемен, но Мариэль с каждым новым днем поглядывала на него все с большей тревогой. Вот он отказался забираться на их крышу, побоявшись, что их сочтут за малышей, вот не уделил должного внимания дню их дружбы. Теперь чаще он стал бывать с мальчиками. И тогда Мариэль затосковала – нет, это было уже не то чувство, которое она испытывала, живя в отдалении от Бена, скучая по нему, ведь они были рядом сердцами. Теперь он отдалялся, и Маковка чувала это. Бенджамин увидел перемену в подруге, которая теперь постоянно грустила, чего раньше не бывало, подолгу сидела в задумчивости на берегу реки, и проникся сожалением. В нем ничего не изменилось, Мариэль была ему все так же дорога, даже больше, чем прежде. В этом и заключалась беда: он понял куда больше, чем будучи ребенком, – он полюбил Мариэль. Она была все еще малюткой, нежной крошкой; хоть и подросла внешне, физически, все ее повадки остались ребяческими. Без смущения она забиралась на качели, залезала на крышу. Пока у Маковки продолжалось детство, Бен перешел на новую ступень жизни. Теперь он видел в Мариэль не только свою подругу, милую девочку, ангелочка – он видел мечту, пламя, любовь. Но все эти новые ощущения, как дикие кошки, выставили когти, оскалились. Вместо того чтобы перебраться через преграду, Бен бежал от нее, а Мариэль толковала это по-своему: он не хочет больше дружить с нею, она ему не нужна, он забыл все их дни. Робость виднелась на лице Бена, а Мариэль принимала это за безразличие. Глаза ее потухли, ее мир, устойчивый, вечный, вдруг оказался хрупким, словно хрусталь, самая мелкая трещинка провоцировала уничтожение.

Каплей, переполнившей чашу, стал день, когда Бен забыл о встрече, увлекшись заботой о своей кобыле. Не то чтобы он совсем забыл, он чистил гриву лошади, как раз думая о Мариэль, но потом мысли его плавно перекинулись на скачки, мечты понеслись ввысь, заставив забыть о времени. Целый час прождала Мариэль в старой лодке, пока окончательно не поняла, что Бен не придет. Как горько было ей сознавать, что он забыл про нее! Что ж, хоть обида и разъедала бедное сердце, Маковка собрала все силы и направилась к Бену сама, рассудив, что вполне могло случиться нечто непредвиденное и плохое. «А вдруг с ним что-то стряслось?» – думала заботливая Мариэль, и только увидев издали Бена, который преспокойно стоял у дома, возившись с лошадьёю и даже не заметив ее, ощутила жгучую обиду. Ни упрека не высказала она, лишь бросила вопросительный взгляд огорченных глаз. Будто оса ужалила Бена, он стал противен сам себе. Зачем он строил из себя взрослого и пытался придать их отношениям ненужную серьезность? Все это обернулось глупой пустотой перед безмолвным страданием Мариэль. Бен кинулся к ней, прижал ее к себе и долго успокаивал, клянясь, что ничего не изменилось в нем, просто он, дурак, возомнил себя взрослым и решил оставить былые забавы. Но от этого ему самому было плохо, а самое худшее – он ранил Мариэль. Он никогда не оставит ее. Но Бен не знал, как сказать Мариэль о главном. «Наша дружба не разрушится никогда, – уверял Бен и добавлял про себя: – И любовь», – точь-в-точь, как в глубине сердца твердила Мариэль. Юные

души знали пока лишь интуитивно, что в этом обещании – зародыш новой силы, небывалой, безграничной, которая свяжет их сердца навеки невидимой стальной цепью.

Перебравшись через реку, вместе они побрели гулять по городу: узкие извилистые улочки приветствовали старых знакомых. В былые дни частенько они бегали здесь вдоль многочисленных лавок и контор, гоняясь друг за другом. Вот важно стоит завод по производству мебели, где подрабатывает мистер Райнер, – серое угрюмое здание, за которым виднеется оживленный порт Голуэя. Вот лавка, где иногда они покупали сладкие пряники с корицей и гвоздикой. Библиотека, откуда их с позором выгнали за то, что они хихикали, мешая другим заниматься. Тогда Мариэль чуть не расплакалась от обиды, а Бен дико хохотал над порядками этого заведения. Вот церковь Святого Николая, построенная еще в четырнадцатом веке, знаменитая тем, что ее посещал Христофор Колумб, но для Мариэль она была замечательна тем, что именно здесь одним воскресным утром она встретила с Беном во время службы. Они сидели на одной скамейке, хором читали молитву и держались за руки. Знаменитая Испанская арка, где Бенджамин придумал игру в динозавриков и охотился за Маковкой, а поймав, долго не выпускал из объятий. Все кругом было пронизано воспоминаниями. Милый Голуэй! Как ты любим этими детьми! Как благодарны они тебе! Столько сказочных моментов, дорогих сердцу, навеки оставшихся в памяти, было здесь! Мариэль, равно как и Бен, с удовольствием бы согласились жить здесь всегда, жить даже в самой бедной лачуге, но лишь бы иметь возможность побродить по знаменательным родным местам. Да, Мариэль призналась, что променяла бы даже маковое поле на это чудесное место – место, где Господь свел ее с Бенджамином. Девочка посмотрела на прекрасное лицо друга – темные глаза искрились светом, черные волосы сияли на солнце, на смуглых щеках образовались ямочки от загадочной улыбки.

– Почему ты улыбаешься? – игриво спросила Маковка.

– Мне хорошо с тобой, Мариэль. Нравится вспоминать, как мы гуляли здесь. Мы и сейчас вместе, и я надеюсь, так будет всегда.

Сердце Мариэль трепетно забилось в сладкой истоме: Бен все помнит, дорожит этими днями не меньше, чем она! Они в сотый раз проходили по знакомым местам и не переставали удивляться архитектуре – великому наследию кельтской цивилизации, кое-где одобренной испанским и французским влиянием.

Все вернулось на круги своя, но судьба была беспощадна к Мариэль, которая так страшилась потерять привычный ход жизни. В один злополучный день она узнала, что ее посылают в Дублин продолжать обучение там. Ни ее слезы, ни бунт, ни уговоры не помогли изменить вызревшее решение миссис О'Бэйл. Оставалась неделя до отъезда. О, как убивалась Мариэль! Оставить Бена, Голуэй, маму, папу, Томаса, Касси – все, все бросить, все родное, к чему она привыкала, всю свою жизнь, прибыть в новый чужой мир, огромный город, где ты безлик. Там жил ее старший брат Тэд, приходской священник – именно он и станет ее помощником на ближайшие годы. Тэд был счастлив, узнав новость о приезде сестренки: с детства у нее медовый характер, и она проникнется к Богу так же, как и он в свое время. Кассандра же, напротив, была категорически против, но ее мнения никто не спрашивал – так уж повелось, что в их семье безраздельно властвовала мама, впрочем, не заходя на территорию главного хозяина; все, что касалось детей, они решали сообща, но доводы миссис О'Бэйл железно действовали на мужа. Кассандре же предстояло учиться в Голуэе. Несмотря на проросшие сорняки в ее грандиозных планах, Касси была настроена оптимистично: Голуэй в любом случае лучше, чем если бы она осталась в Бэнчизе, куда бы время от времени заезжал какой-нибудь монах учить ее латыни. «Однако то, как они поступили с Маковкой, – думала Касси о поступке родителей, – просто кощунство! Ранимую, любящую девочку, совсем еще кроху, оторвать от того, без чего она жить не может, – поистине отнять воздух!» Сама Мариэль долго не могла поверить в гря-

дущее. Ей не нужен был ни этот Дублин, ни отменное образование – лишь те горячо любимые люди, о которых бы она заботилась день ото дня. Но нет, даже такого простого, легкого счастья ее лишают.

– Мапочка, я не хочу в Дублин! – почти рыдала Мариэль, когда за завтраком миссис О'Бэйл вновь подняла этот вопрос.

– И слышать ничего не желаю! Чтобы твои способности пропали втуне? Не выучить тебя в Дублине, когда есть дивная возможность, – просто грех.

– Но я не смогу жить там одна!

– Ну гляди, что за новость! Все могут, а ты нет?! Тем более что там будет Тэд – чтобы поддерживать и наставлять тебя. Я не хочу, чтобы потом, когда ты вырастешь, ты предъявила мне, что я совсем не занималась твоим образованием и не устроила твою жизнь.

– Но, мама, я не хочу, чтоб моя жизнь была такой! Я хочу быть здесь, с вами, с Беном!

– Будь у Бенджамина деньги, он бы тоже туда отправился, не глядя на тебя, но, детка, ты не можешь коверкать себе жизнь только для того, чтобы угодить Бену или своей детской привычке быть всегда подле него. Ты уже достаточно взрослая и должна понимать, что пришла пора устраиваться, устанавливаться как личность, завоевывать свое место под солнцем. Дружба с Беном только мешает тебе вырваться из этих рамок.

– Чушь! Все не так, все не то! Не то, не то!

Миссис О'Бэйл глядела на дочь во все глаза – похоже, и среди ангелов бывают мятежники. Ее девочка, нежная, ласковая, послушная, вдруг встала на дыбы. Безуспешно Кассандра утешала Маковку, рисуя ей прекрасные картины дублинской жизни, напрасно Томас приводил разумные доводы, уверяя, что четыре года пролетят очень быстро, тем более она наверняка сможет приезжать на каникулы, – мрачность и уныние полностью завладели Мариэль. Даже мистер О'Бэйл вдруг не вступился за дочь, оказавшись почти безучастным. «Что ж, наверное, меня разлюбили, раз они так легко отпускают меня, нет, не отпускают, а заставляют уехать, – горько думала Маковка, глотая слезы невероятной обиды. – Разве можно по собственной воле отпустить того, кто тебе дорог?! Да, я больше не нужна им...»

В последний раз увиделась Мариэль с Беном – весь день они просидели на крутом холме у залива, скользя взорами по влажной поверхности или по ровной травке зеленого луга, делясь самым сокровенным. Да, они будут писать друг другу, встречаться два раза в год, но это было слабым утешением. Мариэль уехала со страшной пропастью в сердце, дырой, откуда потянулась черная струйка и влилась в ее душу. Вот оно – семя великого бунта, посеянное рукой миссис О'Бэйл, которое с той самой минуты начало взрастать. Какие страдальческие строки читал Бенджамин: Мариэль устроилась, учеба пришлась ей по вкусу – потому что она занимала все время, так что некогда было размышлять над своей горькой судьбой; она писала об обычных вещах, но за простыми словами скрывалось какое-то зловещее знамение – тень жесточайшей обиды. Да, Маковке пришлось подчиниться, когда вся она была свободной, поступиться своими принципами, свернуть с милой сердцу дорожки на Проспект Маминых Желаний. Это дорогого стоило, Бен знал. Он всячески подбадривал ее, не желая слушать ее извинений за отъезд, за крах всех планов, – ведь за всех решила миссис О'Бэйл, так уж если на ком и была вина, так это на ней.

Приехать на первые каникулы у Мариэль не получилось, и это стало не менее сокрушительным ударом по ее сердечку. Ироничное смирение, доходившее до упрямства, вышло в характере Мариэль в те годы на первый план. Осознание несправедливости и ошибочности маминих действий отражались таким специфическим способом. Бен не реагировал на это. Он старался быть таким, каким всегда бывал с Маковкой. За год в его жизни многое произошло: теперь он участвует в скачках, работает на мебельной фабрике, иногда ходит в школу. Мариэль занимается балетом и участвует в музыкальных концертах университета. Многие прочат ей блестящую карьеру пианистки. Ей даже сделали неплохое предложение касательно ее сольного

концерта в Вене, но она отказалась, чем вызвала у Кассандры обличительную речь длиною в пять листов.

* * *

Прошло четыре года, в течение которых Мариэль так и не удалось приехать на каникулы, поскольку во время перерыва в учебе состоялись концерты, в которых Мариэль, по наставлениям мамы, должна была принимать участие в обязательном порядке. И вот, спустя столько времени, Бен получил письмо, знаменующее ее приезд. Он немедленно помчался в Бэнчизу, где его не видели с тех пор, как уехала Маковка. Новая горничная проводила незнакомого гостя в комнату, вызвав хозяйку, и миссис О'Бэйл, слегка постаревшая, не сразу узнала, кто перед ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.